

СВЕТЛЯЧОК

15.02.2013

№2 (23) Февраль 2013 года

• Земляки из далека

"С любовью к жизни"

Татьяну Лапко андреапольцы знают как детскую писательницу и автора стихов. В нашей библиотеке хранятся книги, написанные и иллюстрированные ею. На этот раз она предстала землякам в ином качестве – фотохудожника. В конце января в библиотеке состоялось

открытие фотовыставки Татьяны. Присутствующим открылся запечатлённый миг, увиденный глазами автора. Каждого посетителя привлекло своё: кого-то величественные виды Парижа и Берлина, кого-то узнаваемые картины нашей среднерусской полосы.

Мой взгляд, например, ещё до официального открытия выставки, когда её только размещали в фойе работники библиотеки, остановился исподволь на простеньком сюжете. Казалось бы, обычное фото для семейного альбома: женщина средних лет присела на краю искусственного прудика в собственном, очевидно, садике. Что зацепило, пыталась объяснить себе позже? Соседство ли с портретом известной певицы Елены Образцовой и лощёными европейскими видами? Солнечный ли луч лёг выгодно в ту минуту именно на этот снимок? Или каким-то необъяснимым образом увиделась мне «любовь к жизни» самого автора? Тогда ещё не знала, что выставка названа Татьяной «С любовью к жизни».

Потом из беседы с ней поняла, что любовь к жизни, неодолимое желание быть частью этой жизни, находиться в гуще событий – главная черта нашей землячки. И это не могло не отразиться в её творчестве. Впрочем, взгляните и сделайте свои выводы. Выставка ждёт вас.

М. Петрова

• Молодые голоса

Владимир Горюнов

С первого дня открытия летнего православного лагеря при Луговской воскресной школе Владимир ежегодно работает в нём вожатым, совершенствуя свой педагогический опыт: в течение двух лет служил командиром взвода в кадетских корпусах С.-

Петербурга, параллельно окончил магистратуру «Духовно-нравственное воспитание» РГПУ им. А.И. Герцена, получив второе высшее образование по направлению «педагогика». Сейчас работает в Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского, которую ранее окончил.

БОРЬБА С СОБОЙ

Мне многое не нравится во мне,
И каждый день с собой вступаю в бой.
И, как это ведётся на войне,
Я способ должен выбирать любой.
Борьба с собой - тяжёлая борьба,
И легче отступить, чем победить.
Зато потом, сгорая от стыда,
Ты будешь пресмыкаться, а не жить.
Долой стереотипы и преграды,
Пора с колен подняться, возмужать
И побеждать, не требуя награды,
И все свои ошибки исправлять.

2007 год

СОНЕТЫ ВЕСНЕ

1

Прожигая тёмные пятна
В белоснежном покрове снегов,
В муравейниках городов,
Нарушая покой прохладный,
К нам приходит Весна опять.
Как и тысячи лет подряд,
Одевая зелёный наряд,
Чтобы жизнь во всём пробуждать.
С каждым шагом теплее земля,
С каждым вздохом мир сочнее.
И становится день длинней,
И пернатые трели звенят.
Просыпается жизнь на земле,
И любовь пробудилась во мне.

(продолжение на стр. 2).

(начало на стр. 1).

2

Ах, как хочется на природу –
Забуриться поглубже в лес
И под сенью зелёных небес
Наслаждаться своею свободой.

На полянке палатку разбить,
Натащить себе кучу дров,
И всю ночь кормить комаров,
И угли сучком ворошить.

А наутро пройтись по траве,
Умываясь холодной росой.
Жаль, пора возвращаться домой,
А хотелось жить в вечной весне.

Но чем дольше сидишь взаперти -
Больше кайфа свободу найти.

3

Весенний дождь, задорный и весёлый,
По крышам и дорогам застучал.
И громовержец молнии метал,
И гром летал по городам и сёлам.

Тянулись жадно к небу травы
И впитывали каждый грамм воды.
Вздувались реки и пруды,
И шелестели зеленью дубравы.

Порвались тучи, небо прояснилось,
Луч солнца землю отогрел.
И воздух песней зазвенел,
Природа будто заново родилась.

Весенний дождь - источник жизни.
Осенний - плачет о её конце.

Весна 2006 года

* * *

Да, я не Пушкин, не Шекспир,
Мои стихи не блещут мастерством.
Я просто открываю в них свой мир
И говорю на языке своём.

Быть может, "яканье" кому-то надоест,
Быть может, я эгоистичен слишком.
Я не Орфей, спустившийся с небес,
Я всё ещё простой мальчишка.

Однообразность слога, бедность языка.
Я по натуре физик, а не лирик.
И не владею красотой стиха,
Как многие поэты в этом мире.

2006 год

• Обсудим?

ЕСТЬ ЛИ ВОЗРАСТ У ПОЭТА

Читателя ваши Дневники заинтересовали, хотя это только начало. Сегодня просматривала ту их часть, что мною ещё не обработана (п/ж выделения, расположение дат и т. д.), смеялась, как вы рассуждали когда-то о сорокалетних поэтах. А сейчас как? Тогда они вам казались ненужными, пережившими своё время усталыми динозаврами.

М. Петрова – Ю. Смирнову

О 40-летних поэтах мне самому сейчас смешно. Но, думаю, в то время, всё-таки, был в этом резон. Современную поэзию - настоящую - тогда мало публиковали. В газеты и журналы отбирали порой не самое лучшее, а Есенина, Маяковского, Блока, того же Пушкина, Лермонтова в 40-летию обвинить было как-то неловко, а они - читались; да и других поэтов-классиков знали преимущественно по их ранним вещам. Как-то особняком, но вне возраста были Тютчев и Фет (по крайней мере, для меня). На первом курсе универа - Рубцов, но тоже "не старик", Бродский - в рукописных и машинописных перепечатках с массой ошибок, очень разный: от того, что сейчас называют "потаённой литературой" до "Рождественского романа" и "Пилигримов". Но он тоже не казался 40-летним, и в силу необычности взгляда на мир, и в силу особой пластики в работе с материалом.

Ну и ещё, наверное, присущий юности максимализм, стремление самоутвердиться, а в те годы оно было, наверное, очень сильным: при многих плюсах у советского времени есть один большой минус: мы росли почти в парнике: уютненько, надзираемы старшими братьями - отрядом октябрат, пионерской дружиной, комсомольской организацией, партией. И вот эти старшие братья нам постоянно твердили о героизме, о революционной романтике, о том, что нам надо брать пример с... А как доходило до конкретных дел, оберегался наш каждый шаг: идти нужно было в пределах данного коридора, или лучше - тропинки. Всё, что вокруг - "вне зоны доступа". Отсюда очень чувствовалась и обособленность возраста. Впрочем, может быть я не прав. Это так, мимолётные мысли. Но писать, как писали те, кого нас заставляли читать тогда в универе, я и сейчас считаю, плохо. "Из соловьёв и любовью какое-то варево", как говорил Владим Владимыч, - это не поэзия.

С уважением, Юра

(продолжение, начало в №13 (21) за декабрь 2012 г., №1 (22) за январь 2013 г.).

Наше время похоже на странный коллаж

Смирнов Юрий Алексеевич

(Любино – Торжок – Маслово)

Дневники 1980 – 2012 гг.

11.10

Осень. Плеск холодных озёрных волн, шелест камыша, шорох листьев под ногами. Суббота, и я, приехав домой, бродил вдоль озера, будто не был здесь целую вечность. Бродил почти до ночи (ночи теперь ранние, холодные и звёздные; к утру часто подмораживает, – а вечером это отчётливо чувствуется). Так что пришёл домой немного иззябший. И сразу на печь. Предки немного поворчали.

Кстати: за неделю произошли удивительные изменения. Ехал из дома – было много листвы на деревьях, а вернулся – деревья почти все голые. В начале недели моросил не очень холодный дождь, сейчас же адская стужа. Скоро, наверное, заморозки, а потом – зима.

18.10

Я влюблён. <...> Любит ли она меня – я не знаю, но я, по крайней мере, её очень люблю. И этого для меня достаточно.

4.11

Вот и зима. Хотя снега ещё нет, по-зимнему сильные морозы сковали озеро. Коньки бы! И над заснувшей водой по звенящему льду: жик-жик, жик-жик... А пока что вместо коньков соберусь завтра на озеро на рыбалку. У нас в Серёжине на второй день после начала морозов на льду сидели рыбаки.

А за день до этих морозов шёл последний осенний дождь. Вначале, рано утром, небо было чистое-чистое, лишь на самом горизонте, на западе, лёгкие полосы облаков, да на востоке – ярко-алая полоса. Так и в некоторых лужах опрокинутое небо обводило края: с одной стороны – алым, с другой – осветлённым серовато-сиреневым цветом. А потом, откуда ни возьмись, пошёл дождь. А утром – на следующий день – мороз.

13.11

Никак не могу забыть Олега. До сих пор его карие глаза, чёрные, точно уголь, волосы, широкая весёлая улыбка передо мной. И сегодня, сидя за партой, поймал себя на мысли, что смотрю на место, где он сидел, что на мгновение почудилось: его просто нет на уроке, он отсутствует просто и завтра обязательно придёт, сядет за свою парту. Я спрошу: «Как дела, Котя?» И он что-нибудь обязательно загнёт. Я раньше как-будто не так остро чувствовал его утрату, как теперь. <...>

14.12

Снова воскресенье и снова я дома. А на улице как будто и не было зимы: дождь, слякоть. А до Нового года – две недели всего. Удивительно, раньше вроде бы такого не бывало.

Я сейчас дома, а через день-другой уеду на Пленум комсомола в Калинин. Что меня там ждёт, не знаю, немного боюсь. Говорить о сельском хозяйстве, о поступлении в КСХИ. А у меня к этому не лежит душа. И как-то неловко и стыдно.

Сейчас же учусь брэнчать на гитаре. Читаю Пушкина. Вот, собственно, и всё.

31.12

Вот и каникулы. Вот и дома. <...> Я выбрал свой путь – сельское хозяйство. Сашка Смирнов говорит, что там здорово. Посмотрим. Впереди ещё экзамены.

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 3).

1981

7.01

Вчера долго рассматривал фотографию Олега, и мне показалось, что он с нами, что он жив, что после каникул мы опять все вместе встретимся. Олег – моя первая, ничем не восполнимая утрата.

9.02

Я иду в КСХИ. Как хорошо чувствовать себя полезным людям. Тем более что, выучившись, обязательно вернусь в свою деревню и буду работать с её людьми, моими земляками, и на её полях.

19.02

Что нужно, чтобы быть счастливым? Деньги, хорошие и дорогие вещи или что-нибудь подобное? Наверное, нужно, чтобы с тобой были откровенны и искренни люди и ты с ними – тоже. Когда веришь друг другу, – тепло; тогда понимаешь, что живёшь не напрасно. А я? Разве я отношусь к людям с доверием? Нет. А почему, и сам не знаю. Что-то настораживает и отдаляет меня от матери с отцом. И от братьев. И от остальных. Боюсь открыть сердце. А вдруг – не поймут? Тупой, непонимающий смех – больно и страшно. Хотя я любил и люблю всех, всем рад. Люблю за то, что все мы, в конце концов, станем лучше; люблю, что живу с ними бок о бок и что каждый из них, пусть даже самый злой, мне нужен как воздух. Во мне нет презрения к людям. Но откуда же оно у других? Людей нельзя презирать – это низко и подло. Я люблю людей. Очень люблю.

21.02

День прошёл, как и все предыдущие. Однообразно. Это плохо. То тянет читать, то нет.

Днём шёл снег. Под этим лёгким, сухим и пушистым снегом с отцом убрали в сарай сено. Брат управлялся на сеновале.

Вечером приехал Юрка Григорьев. Он, может быть, немного пошлее других, но менее эгоистичен, и он мне нравится – с ним легко и просто. Его смех никогда ещё меня не оскорблял, а наоборот – заставлял от души хохотать над самим собой. Редкое удовольствие. Здесь нет «злобного веселья», и к тому ж, как мне кажется, он во многом меня понимает. А так... – только книги. <...>

1.03

Первый день весны. На улице – уйма снега, но как будто ему в противовес, в глаза бьёт слепяще яркое солнце. Повсюду чувствуется весна. Вот шёл я с Колькой С. (соседом) возле дедушкиного дома и вдруг обратил внимание на то, как весело, по-весеннему хлопотливо, копошатся в ветвях сирени четыре воробья. Чувствуют весну. Скоро сойдёт снег.

15.03

Хотя уже середина марта, погода – зимняя, снежная и холодная. Обманулись воробьи. И я обманулся. А ведь был бы счастлив слякоти и грязи, которые скоро, вероятнее всего, надоели бы.

21.03

Кажется, по-настоящему началась весна. Идёт дождь вперемешку с мокрым снегом. Небо серое, низкое, но весеннее по мельчайшим оттенкам цвета.

22.03

Весна! На этот раз бесповоротно. Вчера вечером видел первых грачей, важных и довольных кое-где сошедшим снегом. Почти весь день сыпал мелкий дождь, под ветром переходящий иногда в надоедливую пыль. На улице грязь, снеговая каша. Капает. Шум невообразимый.

(продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 3-4).

26.03

<...> Ничего не могу поделать с собой.
Где взять силы, за что уцепиться, что сделать, чтобы опрокинуть разом всю мою беспутную и бесполезную жизнь. Надо менять самого себя, а я хочу, как дурак, чтобы менялись люди.

2.05

Весна. А на улице всё ещё холодно. Иногда идёт снег. Правда, быстро тает под дождём. Леса всё ещё голые. Лёд оттаял лишь у самого берега, но почернел, стал ноздреватым и на рыбалку не выйдешь.

<...>

12.07

Вот и окончилось моё весёлое школьное времечко. Закрыты на последней странице учебники, сданы экзамены и где-то в кустах, за школой, конспекты, на руках документы. Прощай, Бологое! Привет, Сахарово! Поступлю ли туда? Во всяком случае, хочется поступить; да и делать больше нечего. Но надо кое-что подзубрить, поработать над собой, заставить себя работать. А делать всё это лень. «Не позволяй душе лениться...» – это, видимо, не для меня. Чаще всего я ленюсь. Я душу оставляю в покое, а она – меня. А иногда загоняем друг друга до пота. <...>

26.07

Дмитрово. Лучанское озеро. Костёр у лодочной станции – неделю назад. Зарубка памяти. Надолго? До конца.

5.12

Опять тянет писать. О чём? – представляю. Как? – ничуть. Фантастика? – надоела. История? – плохо знаю. Даже то, что отчётливо чувствую сам, на листе выходит многословно, натянуто и ненатурально. Научиться бы, как у Чехова или Лемма, да вот, к несчастью, я плохой ученик, нерадивый

(продолжение следует)

• Новые стихи

Олег Соколов

п. Бологово

* * *

Наша жизнь – сплошное ожиданье,
Каждый миг мы все чего-то ждём,
Кто-то исполнения желаний,
Кто-то зонт, промокнув под дождём.

Летом осень ждём, весною – лета,
Ждём, когда наступит Новый год.
Только ночь придёт, мы ждём рассвета,
Так вот и живём из года в год.

* * *

Снова праздник в родном селе,
Льётся музыка не спеша,
Отчего же так грустно мне,
Почему так болит душа?

А душа от того болит,
Что вот здесь в этот день и час,
Дорогие мои земляки,
С каждым годом всё меньше нас.

КТО ВИНОВАТ?

Спиртное нам, как враг заклятый,
Но не боимся мы врагов.
Нам губит жизни змий проклятый,
Мы ж пьём его, как дар Богов.

А нам найти бы только силы,
Чтобы сказать: «Всё, хватит, нет,
Себе не будем рыть могилы,
Не для того пришли на свет!».

ВЕСНА

Журчат на улицах ручьи,
И не слышна капель.
Природа говорит о том,
Что наступил апрель.

Весна - прекрасная пора.
Играет в лужах детвора,
Скворец поёт свою любовь,
Природа оживает вновь.

• Новые стихи

Владимир Юринов

г. Андерраполь

Ах, как в комнате свежо –
аж до дрожи!
А за окнами – снежок.
Припорошил.
Белой мутной пеленой –
день без тени –
наше прошлое с тобой
заметелил.

Заметелил, забелил,
а местами
белой тушью зачертил –
поисправил.
Белизной перестелил
наши ночи...
Глянь: уж кто-то наследил –
многоточья...

Я в трусах и босиком –
из постели.
Упираюсь лбом в стекло,
на бестеньге
на метельное гляжу –
мгла косая.
Ах, как холодно! Дрожу –
замерзаю.

Мне б одеться потеплей,
застегнуться,
у камина в тёплый плед
завернуться,
да чайку погорячей,
да с малиной.
Только знаю: все леченья
наивны.

От такой моей болезни
тулупы
и чай все бесполезны
и глупы.
Даже водка мне уже
не поможет.

Это – холодно душе!..
Аж до дрожи.

ПОСТВЫБОРНОЕ*(Старый Новый год)*

Январь, а с крыши потекло.
С газонов серый снег съедая,
циклона влажное тепло
слезой на стёклах оседает.
А на столе – подвявший сыр
и скатерть в клеточку косую.
И снова праздник, снова пир,
и где-то снова салютуют.
И пусть полочка – в феврале,
и как бы не пришлось поститься,
но здесь – всё тот же оливье,
и вокруг него – всё те же лица.
Но не пьянит богатый стол,
ведь хлюпанье чревата хрустом.
И праздник сер, поскольку гол.
И холодно, поскольку пусто...

МЕЛЬНИЦЫ БОГОВ

Мельницы богов

   мелют медленно,
а уж сто эпох перемелено,
стали хрусталём слёзы Евины,
пролитые в Оные дни.
И хрустя по россыпям слёзным, мы,
до межбровной складки серьёзные,
смотрим, рот раскрыв, в дали звёздные,
веруя, что мы не одни.
Но сквозит из космоса холодом.
Звёздными лучами исколоты,
мы самих себя тащим волоком –
по домам, к полуночным снам.
И в тепле, за толстыми стенами
об улыбке грезим, о Евиной...

Мельницы богов

   мелют медленно,
медленней, чем хочется нам.

Мой кот

Мой кот был чёрен, грешен и смешон,
безроден, трусоват, но любопытен,
воришка, бабник, плут, мерзляка, нытик,
и самомненья начисто лишён.
Ел чёрный хлеб, что странно для кота.
Любил поспать, ну, в этом что ж такого?..
Он умер нынче ночью. В полвторого.
А за окном метель.
И пустота.

• Гости клуба
Василий Рысенков
 г. Торжок

Поэт, известный не только в Тверской области, но и за её пределами, член СП России, ведущий мастер-класса и член жюри Каблуковской радуги. В 1989

году после окончания сельхозинститута проходил практику в совхозе «Любинский» и четыре месяца исполнял обязанности главного агронома в этом хозяйстве. Сохранил о нашем крае самые приятные воспоминания.

* * *

О союзе серпа и молота
 На ущербе напомнит луна.
 Перемолота и прополота
 Обезлюдившая страна.

Смотрят холодно звёзды грозные,
 Как предчувствие и вина.
 Поезда проползли тифозные,
 Проскрипели обозы колхозные,
 А теперь тишина, тишина...

Здесь уже не живут, а числятся.
 Но зачем так роскошны дни?
 Ведь и трель соловья — бессмыслица,
 Если некому оценить.

Облака над затишьем — грядями.
 Не поранься серпом луны!
 Пели пули, и звёзды падали...
 Вам земли и воли не надо ли?
 Нам они уже не нужны.

Только светится из кустарника
 Над безумием, пустотой
 Одинокий цветок татарника —
 Нашей памятью и мечтой.

* * *

Звёзды в девяносто первом сложились скверно.
 Если бы бедность и дурь отыскали устье,
 Рынок и план сдружились, то я б, наверно,
 Был агрономом в ласковом захолустье;
 Слушал болтливый овёс на ветру весёлом,
 Путал стихи в карманах и накладные,
 На мотоцикле гонял по весенним сёлам,
 Пил с мужиками в клубе под выходные.
 И собрались бы, как пазлы, осколки, части

Зеркала жизни, той, настоящей доли.
 Мне бы ещё открылась формула счастья
 В майской зелёной дымке за тёплым полем.
 Радость и нежность песни далёкой влита
 В шорохи космоса и родниковый воздух...
 Знать бы и верить, что нет ничего вдали-то
 Лучше, чем этот туман, пригасивший звёзды.
 А за туманом ещё разглядеть осталось
 Край, где светло и осмысленно жили люди,
 Где от работы – радостная усталость,
 Где засыпаешь и знаешь, что *ЗАВТРА* будет.

КРЫЛЬЯ

Просыпается город,
 срывает лохмотья сна.
 За синюшным окошком
 печальный снежок пылит...
 А вчера целый вечер
 болела моя спина.
 Думал, вырастут крылья,
 а это – радикулит.

Мимо дома под ветром
 по-птичьи летят пальто.
 Рванный провод – не повод
 готовить себе петлю.
 Я ведь так и не знаю,
 никак не пойму, за что
 Эту сонную, бедную,
 глупую жизнь люблю.

Лезут грязные тучи
 со стороны Москвы.
 Новогодние праздники
 чуть прикрывают зло.
 И тоскующих женщин,
 богатых и деловых,
 Не из мыльных ли опер
 с метелью понанесло.

Только здесь не кино –
 наши гнёзда и наше дно.
 Можно вырваться, но,
 где оборвано – там болит...
 Что ж, пора, собирайся!
 Проветрим! Открой окно.
 Крылья вырастут, только
 отпустит ли радикулит?

• Невыдуманные истории

Были два товарища

Они дружили с детства, хотя шли по жизни совершенно разными путями. Виталий двигался по жизни прямо, Виктор с изгибами, поскольку имел тягу к спиртному. Но неслучайно существует выражение, что друг это тот, кто знает о тебе самое плохое, но все же уважает тебя.

От тюрьмы, говорят, и от сумы не зарекайся. Виктор далеко не по своей вине попал в тюрьму, где отбывал срок семь с половиной лет. Не всегда судебные органы выносят справедливое решение. Когда Виктор находился за решеткой, друг постоянно поддерживал его, регулярно посылал посылки, деньги, навещал. Когда Виктор вернулся из тюрьмы, он приехал к Виталию в Санкт-Петербург, обнял его и долго безудержно плакал.

Не только этот удар преподнесла судьба Виктору. От него ушла жена, уехала с финном за границу, забрав и дочку. Сгорел его родительский дом, и Виктор с матерью вынуждены были перебиваться далеко не в лучших условиях. Но на любых изгибах судьбы его всегда поддерживал друг, и это давало ему силы жить. Он знал, что есть в этом мире человек, который, как поется в песне, «и в рубище примет меня».

После тюрьмы Виктор прожил совсем немного. Отравился самогоном и ушел в мир иной. Виталий плакал по нему, как убиваются на похоронах по самым близким людям. До сих пор он не может прийти в себя от такого горя. После смерти друга он почувствовал, насколько осиротел сам. Говорит, что у Виктора была тонкая, ранимая душа, что он был замечательным человеком, которые встречаются в жизни редко. Виталий умел разглядеть в этом, на первый взгляд, неустроенном своем друге то, что не дано было увидеть иным. Кстати, были у Виктора и другие друзья. И в тюрьме сокамерники относились к нему с большим уважением. Советовались с ним, чувствовали, что рядом находится человек, которому можно доверить самое сокровенное, потому что Виктор сумеет понять и дать нужный по жизни совет. Просто Виталий был, вероятно, самым преданным.

Говорят, что женской дружбы не бывает, а вот между мужчинами иногда складывается вот такая бескорыстная дружба мужская. Но сколько угодно обратных примеров, когда дружат только с теми, кто идет по жизни прямо. Отворачиваются моментально, когда друг споткнулся и попал в беду. Не хотят портить свою репутацию такой дружбой. Но Виталий не из таких. Он в любых жизненных ситуациях всегда был с другом рядом. Вероятно, душой понимал одну из десяти христианских заповедей: «Возлюби ближнего, как самого себя!». И еще, тоже по-христиански: «Бросьте в него камень те, кто безгрешен». Трудно сказать, у кого этих грехов больше: у Виктора с тонкой, ранимой душой или у тех, кто просто умеет казаться хорошим?

Разве мало примеров, когда дружат из-за выгоды с нужными людьми, откровенно перед ними заискивая и покорно идя у них на поводу. Но это не имеет ничего общего с настоящей бескорыстной дружбой. Закончилась власть, поскольку все в жизни не вечно, и прекратилась дружба. Дружба, основанная на выгоде, продолжительной не бывает.

Галина Ермолаева,
г. Андреаполь

Благодарю коллектив Андреапольской библиотеки за активное участие в проведении выставки работ моего брата Николая Туманова.

Я, конечно, прослезилась, когда смотрела по интернету, но больше порадовалась. Я, рада, что вы используете все формы библиотечной работы, что рассказываете об истории района, знакомите с судьбами людей далекого прошлого, работаете в содружестве с краеведческим музеем, являетесь очагом культуры и проповедниками всего лучшего на земле. Из данных интернета я почувствовала, что вы неравнодушные люди, искренне любящие свой край, стремящиеся обогатить духовно людей своего района.

Спасибо всем вам за ваши старания и стремления. Нынче это в цене.

Надежда Салунина,
г. Санкт-Петербург

• Готовится к печати: «А у нас во дворе»

Валентин Пажетнов**Жукопской лес****РАССКАЗ**

Жукопской лес начинался недалеко от лесной деревни Гора. Тянулся он на многие километры вдоль реки Жукопы, которая в конце этого леса впадала в большое озеро. Из озера широкая протока вытекала в самое верховье великой русской реки – Волги. Ельники жукопского леса известны были в народе своими заламами и завалами, где чужому человеку, не знавшему потаённых проходов по звериным тропам и кочкарным болотам, было не пройти, не проехать. Рос тут и светлый сосновый лес, который назывался Красным Бором. Старые сосны стояли в бору редко, между ними далеко видно, и по сухой, песчаной гриве, на которой и разместился Красный Бор, можно было свободно пройти в любую сторону. Жукопской лес был богатым на грибы да ягоды. С самого лета и до поздней осени спешили в лес люди из деревни с ведёрками и лукошками. В еловый лес заходили редко – там и заблудиться недолго. А по Красному Бору во все стороны были проложены тропки-ступешки, по которым ходили грибники и ягодники. Всё лето оттуда только и слышно было, как перекликались друг с другом люди: «Ау! Ау!». В еловом лесу росли грибы: волнушки, чёрные грузди; по полянкам – сладкая да душистая лесная малина. А в сосновом бору – сыроежки. Сыроежки, у которых шляпки были тёмно-красные, деревенские жители называли горянками, а с жёлтыми и зелёными шляпками – сластянками. Ещё росли в бору грибы белые, крепкие боровые грузди и маслята, а ближе к осени поспевала ягода брусника, и на старых пнях гроздьями высыпали опять. По краю обширного болота Мокрый Мох, с солнечной стороны, густо разросся черничник. Эта, самая жаркая сторона на болоте, так и называлась – «Жарина». На самом «чистике» - ровном моховом одеяле, покрывавшем всё болото, осенью россыпью краснела клюква. Всех щедро одаривал своими богатствами Жукопской лес.

В лесу, на большой поляне, стоял просторный деревянный дом, в котором жил одинцом лесник Ермолай. В лихую годину умерла у него от неведомой болезни жена, а подросшие дети уехали из родного дома жить и работать в город. Так и остался один. Через поляну протекала небольшая лесная речка Топля с прозрачной и чистой водой. Начиналась речка в болоте Мокрый мох ручьём Топливцем, который пробирался по болоту между кочками, то появляясь на поверхности болота, то прячась под мох. И место это на болоте, самое гиблое, самое топкое, называлось Струей. Сразу за болотом Топливец обретал берега, крепкое, песчаное дно и с этого места превращался в речку Топлю. Текла Топля затейливыми извилинами через весь Жукопской лес, набиралась по пути водой из малых лесных ручейков и, пройдя через поляну, которую все называли «Ермолаевой лядой», вскорости впадала в реку Жукопу.

Всю свою жизнь прожил Ермолай в Жукопском лесу. Охранял лес от пожаров и недобрых людей, сажал ёлочки да сосенки и бережно за ними ухаживал, чтобы лучше росли. Было у Ермолая и ружьё. Опытным охотником был лесник, но, как вышел в возраст, стал охотиться редко, только по большой нужде, когда нужно было запастись на зиму мясом и добыть пушнину, чтобы поменять её в специальном магазине на необходимые продукты: муку, сахар и крупы. В другое время жалко ему было стрелять лесных зверей и птиц. А ещё жила у лесника коза, которую он назвал Снежкой. Назвал так потому, что шерсть у неё была пушистой и белой, и привёз он её домой с ярмарки зимой, когда вокруг всё было белым-бело от снега. Днём Снежка ходила по полянке, щипала травку, а на ночь лесник заводил её в хлев и крепко закрывал дверь. В Жукопском лесу жили волки. Ермолай был хорошим следопытом и знал, сколько волков живёт в дальнем конце Жукопского леса, куда они ходят на охоту и на кого охотятся. А охотились волки на диких зверей – на лосей и кабанов. Ермолай не опасался волков. Он знал, что они не посмеют напасть на его козу Снежку, так как всегда могут обеспечить себе пропитание охотой на диких зверей. Коза пахнет жильём человека. Запах для волка – всё равно, что слова у людей. Запах говорит волку: здесь человек – самое опасное существо! Волки очень боятся людей, потому что люди всегда их преследовали и уничтожали, считая зверями вредными, и этот страх передаётся у волков от родителей к детям, из поколения в поколение. Любил лесник Снежку, хоть и доставляла она ему хлопот – то листики с яблони оцциплет, то в сени заберётся и перевернёт ведро с водой. Воду Ермолай каждое утро набирал в речке Топле в два больших ведра и ставил их в сени, на лавку. А коза, как заскочит в сени, обязательно на лавку запрыгнет, резвится, играет! Вот и летели ведра с лавки на пол от её баловства.

(продолжение на стр. 10).

(начало на стр. 9).

Летом волки живут семьёй – матёрые и народившийся молодняк. Иногда, ближе к осени, семья волков из Жукопского леса появлялась у деревни, в надежде пожить овечкой или телёнком из деревенского стада. Да только пас деревенское стадо пастух Петро, внимательно следил за тем, куда пойдёт скот, и не пускал его близко к лесу. Волки – звери умные, понимали, что на открытом месте им к стаду не подобраться – Петро увидит, а у него ружьё всегда наготове. Побродят поблизости от деревни, не показываясь из леса, да так и уйдут ни с чем. Зимой волки собирались в стаю. Стаей было легче охотиться на лосей и кабанов. Доставалось от них и зайцам. А однажды нашли они молодого медведя в берлоге и хотели его съесть. Да только медведь из берлоги не полез. А когда к нему в берлогу сунулся один, самый храбрый и сильный волк, медведь дал ему своей лапой такую затрещину, что тот едва ноги унёс. Пришлось волкам оставить всякое желание пожить медвежатиной. В отдельные, самые лютые на морозы зимы трудно бывает волкам найти для себя поживу. Нередко приходится им голодать по нескольку дней подряд. В такую пору голод выгонял их из леса ближе к деревне, и тогда за околицей, по ночам повисал в тишине их протяжный, голодный вой. Слышали этот вой деревенские жители и опасались: как бы не наделали волки в деревне беды. И не зря беспокоились.

Однажды в феврале подул сильный ветер и разыгралась пурга. Целую ночь бушевала и угомонила только к самому утру. Утром, когда рассвело, пошёл дед Егор кормить своих овец. Жил он на краю деревни, и его хлев стоял ближе всех других домов к лесу. Открыл дверь, да так и ахнул! Пропали овцы из сарая, а в крыше хлева зияла большая дыра, через которую сыпался мелкий снежок. По стенкам хлева кровь размазана, на полу валялись клочья овечьей шерсти. Сразу догадался старик, что крышу в хлеву проломил волки и унесли всех трёх овец, ни одной не оставили. Подобрались волки к хлеву ночью, когда гудел ветер, мела пурга и все деревенские собаки крепко спали в своих будках. Так никто и не услышал, когда волки унесли овец. Долго горевал дед Егор, да делать нечего, пришлось ему ехать на ярмарку, покупать за последние гроши маленьких ягнят. Очень любил дед Егор держать скот на своём подворье. После ночного разбоя волки ушли от деревни, и нигде близко не было видно их следов. Понимали разбойники, что могут понести от человека наказание.

В самом конце зимы отделились от стаи два волка: матёрый Ушкан и волчица Серка. Волк был высоким, с толстыми лапами, сильной шеей и прямым, пушистым хвостом. Он многое умел делать, был хитрым, смелым и всю зиму оставался в волчьей стае вожаком. У него были светло-бурые бока, крупная, бурая голова с зоркими глазами и большие, торчавшие прямо вверх уши. Вот за эти уши и прозвали его Ушканом. Волчица была тонкой, изящной, по лесу ходила тихо-тихо, чуть слышно, мягко переступая лапами. Покрыта она была красивой серой шерстью. Из-за этого цвета шерсти её прозвали Серкой.

Долго ходили Ушкан и Серка по Жукопскому лесу, по заламам и оврагам, по заросшим непроходимыми кустарниками низинам и по светлому сосновому бору – выбирали место для своего гнезда – логова. Наконец они остановились на небольшом песчаном пригорке, возвышавшемся в самом топком месте болота Мокрый Мох, за Струёй, там, где из болота вытекала речка Топля. Здесь, в песке, под корнями старой сосны, Серка выкопала нору, в которой и устроила логово. В логове было уютно и сухо: и ветер туда не задувал, и дождь не заливался.

Весной, когда в лесу распустились первые цветы – подснежники, в волчьем логове появились шесть маленьких волчат. Серка старательно ухаживала за своими детьми и никуда от логова не отлучалась. А Ушкан рыскал по лесам и полям, ловил, кого придётся, и приносил к логову, кормил Серку.

Волчата немножко подросли и у них открылись глазки. Потом они ещё немного подросли, начали играть друг с другом и заглядывать во все уголки своего логова. Кто-то из них даже пытался выглядывать наружу, но Серка внимательно присматривала за детьми и делать им этого не разрешала. Прошло ещё сколько-то времени, волчата ещё подросли, и мама-волчица, наконец, разрешила им выйти наружу. То-то было радости порезвиться на взгорке, покувыркаться, погоняться друг за другом! Они так разыгрались, что один волчонок, самый маленький, отбежал от логова в сторону, сорвался с сухого пригорка, шлёпнулся в болото, в самую топь, и жалобно завизжал. Серка услышала его визг, подбежала, подхватила его зубами за шиворот, трепанула, вытряхивая из него воду и в наказание за шалость, и отнесла к логову.

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр.9-10).

Шло время. Наконец, наступил самый ответственный момент в волчьей семье - Ушкан с Серкой решили вывести своих детей из болота в лес. По тропке, протоптанной Ушканом по мху, с кочки на кочку, в обход окнищ и топких мочажин, семья волков вышла в старый ельник. Серка облюбовала место в завале, под стволами трёх толстых, упавших друг на друга деревьев и устроила под ними временное гнездо-логово. Место на лесном вывале оказалось очень удобным – и от дождя было где спрятаться, и на солнышке полежать можно, не то, что в густом лесу. Волчата быстро подрастали, подкармливались мясом, которое приносил им Ушкан, но еды было для них уже мало, и они настойчиво выпрашивали у своих родителей всё больше и больше мяса. Теперь Ушкан с Серкой вместе уходили на охоту, оставляя детей в завале. Однажды взрослых волков не было очень долго. Волчата играли, спали, просыпались, опять играли, устали, проголодались, а родителей всё не было. Когда они в очередной раз заснули, один волчонок, самый маленький и любопытный, решил сбежать от логова. От одного упавшего дерева к другому, пробрался на самый край вывала и неожиданно для самого себя оказался в настоящем старом еловом лесу. Здесь было темно и сыро, высокие, мохнатые ёлки, казалось, доставали вершинами до самого неба и закрывали его своими кронами так, что только в отдельных местах сквозь них пробивались солнечные лучики, ложились на землю светлыми пятнами. На этих высвеченных солнышком местах волчонку открылся удивительный мир! Белые, синие, жёлтые цветочки притаились среди зарослей травы, которая казалась волчонку непролазной чащей.

Сколько тут оказалось интересных, живых существ! По земле друг за дружкой, живой ниточкой ползли большие, рыжие лесные муравьи, тащили с собой маленькие листочки, веточки. Волчонку очень захотелось понюхать муравья – как он пахнет? Только он пододвинул свой нос к муравью, как получил такой укус, что долго чихал, крутил и тряс головой, и у него сразу отпала всякая охота знакомиться с муравьями. На оранжевом цветке повис мохнатый шмель и деловито расправлял тычинки у цветка передними лапками, добирался до сладкого нектара, который находился в самой середине цветка. Волчонок не стал нюхать шмеля и благоразумно отодвинулся в сторонку. А вдруг шмель тоже сможет укусить его, как муравей? Конечно, он ещё не знал, что шмель может укусить гораздо сильнее, чем лесной муравей. По стебельку цветка медленно ползла разноцветная гусеница. Волчонок толкнул носом стебелёк. Гусеница испугалась, сжалась, отцепилась от стебелька, упала на землю и быстро-быстро, как только смогла, поползла в сторону, подальше от опасного места. Когда у волчонка перестал чесаться нос, он пробрался сквозь траву дальше и увидел удивительное зелёное существо – большого кузнечика. Кузнечик сидел на травинке и стрекотал свою нехитрую песенку. Волчонок долго смотрел, как кузнечик водит ножками по своим бокам и стрекочет: «Джи-джи-жи-джи-джи-жи...». Хотел познакомиться с кузнечиком, только пододвинулся к нему поближе, как кузнечик прыгнул высоко вверх и пропал. Посмотрел волчонок наверх и увидел, что над травой летают маленькие комарики, разноцветные бабочки, высоко-высоко висит синее-пресинее небо. Красиво!

Вдруг прямо перед ним из травы высунулась большая, бурая голова с ушами! Волчонок от неожиданности так испугался, что упал на землю и изо всех сил запищал своим тоненьким голосочком! От охватившего его страха он не распознал, что из травы выглянул его отец Ушкан. Ушкан очень смутился, не знал, что ему нужно делать с перепугавшимся волчонком, и лизнул его своим длинным, красным и шершавым языком в нос. Но Волчонок от этого испугался ещё сильнее и запищал ещё громче! Тут из травы высунулась другая голова – Серки. Мама рыкнула на Ушкана, чтобы не мешал – взяла волчонка пастью за шиворот и понесла к логову. Как только волчонок оказался у мамы в пасти, он сразу успокоился, замолчал и поджал ножки, чтобы они не цеплялись за траву, пока Серка будет его переносить. У логова Серка поворчала на непослушного волчонка и даже чуть прикусила его за то, что он заставил её волноваться. Маленький зверёк был так напуган всем с ним происшедшим, что лёг в логове на подстилку и заснул.

Шло время. В ясную, солнечную погоду волчата подолгу играли: боролись, гонялись друг за другом, переворачивались через голову, таскали друг друга за хвост и за уши! А Ушкану и Серке забот всё прибавлялось. Они уходили на охоту и надолго оставляли волчат одних. Матёрым волкам всё труднее было ловить диких зверей и птиц, чтобы прокормить шестерых волчат. Однажды они три дня не могли никого поймать. Волчата встречали вернувшихся родителей, скулили от голода, тыкались носами им в самую морду – выпрашивали поесть. Ушкан и Серка были так озабочены неудачной охотой, что в очередной раз, когда к ним выскочили навстречу волчата и начали настойчиво выпрашивать еду, рассердились на них и даже покусали самых надоедливых, несильно, чтобы не приставали. На четвёртый день пошли волки на охоту к деревне Гора.

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 9-11).

Рано утром, когда только выгнали за околицу деревенское стадо на пастбище, Ушкан, прячась за кустами, осторожно подобрался к стаду и долго высматривал, кого бы ему схватить. Один маленький телёночек заигрался, начал бегать вокруг стада и незаметно для самого себя подскокил к кустам. Ушкан этого только и ждал. Выскочил из кустов и схватил телёночка так быстро, что тот даже не успел крикнуть. Но одна корова всё же заметила Волка и бросилась за ним. Вслед за ней бросились к волку и другие коровы. Пастух догадался, что случилась беда, закричал громко, снял с плеча ружьё, выстрелил вверх и побежал за стадом. Но Ушкан всё же успел оттащить телёнка к лесу. Тут к нему присоединилась Серка, и вдвоём они быстро унесли телёночка в чашу. Стадо коров добежало до леса и остановилось – заходить в лес коровы боялись. В этот день волчата наелись так, что никто из них не захотел играть, лежали на солнышке с раздувшимися животами и спали. А в деревне старые люди говорили: «Раз волк напал на стадо, значит, жди от него ещё беды». И решили крестьяне просить умелого охотника, лесника Ермолая, выгнать волков из Жукопского леса. Пришёл к Ермолаю дед Егор. Стал он просить лесника, чтобы убил тот Ушкана, волчьего вожака.

- Не будет Ушкана, - говорил дед Егор, - и уйдут волки от деревни, не станут здесь жить без вожака. Житья нет от этих разбойников, - жаловался дед. - Зимой утащили у меня овец, а вчера Ушкан унёс телёнка прямо из стада. Пастух всё видел своими глазами, кричал, да только волк не бросил телка. Теперь ревет корова Пестря, не идёт со двора, всё своего телёночка ищет и молоко перестала давать. Прямо беда.

Но Ермолай никак не соглашался устраивать охоту на волков. Знал он, что у матёрых родились волчата, жалко ему было маленьких зверей оставлять сиротами. На настойчивые просьбы деда Егора, только и сказал, что подумает... А через месяц случилась беда и у самого Ермолая. Как-то собрался лесник в лес сходить, брусники-ягоды побрать. Утром, как всегда, пошёл к речке за водой и видит: на мокром речном песке отпечатались волчьи следы. Присмотрелся внимательней и узнал, что следы оставил волчий вожак, Ушкан, только у него была такая крупная лапа. «Ишь ты, - подумал Ермолай, - и сюда заглянул лесной разбойник». Отнёс он воду в сени, поставил вёдра на лавку, вышел, закрыл дверь и подпёр её палочкой. Он всегда так делал, когда уходил из дома, на случай, если кто к нему придёт в его отсутствие. Чтобы знали люди, что дома никого нет. Выпустил козу Снежку из сарая и пошёл в лес. Коза осталась пастись на знакомой ей лужайке, рядом с домом. До самого обеда проходил лесник по лесу, набрал два берестяных короба брусники-ягоды, еле донёс до своего дома тяжёлый груз. Только зашел к себе на двор, сразу почувствовал что-то неладное: коза Снежка, которая всегда встречала своего хозяина у калитки, не вышла в этот раз к нему навстречу. Поставил Ермолай короба на землю и поспешил к дому. А в дом дверь оказалось раскрытой настезь! Как вошёл в сени, так и ахнул: лавка перевернута, вёдра на полу валяются, вода по всем сенцам разлилась! Забеспокоился лесник, вышел на двор и начал звать Снежку, да сколько не звал, не пришла к нему коза. Начал Ермолай обходить свой двор, рассматривать следы. Был он опытным следопытом, недаром всю жизнь в лесу прожил. На тропке, что вела к речке Топле, обнаружил капли крови и следы волка – Ушкан! А на веточках черёмухи, которая росла по берегу речки, увидел клочки белоснежного пуха – утащил Ушкан Снежку через речку в Жукопской лес. Походил Ермолай по двору, внимательно рассмотрел всё в сенях и по следам представил себе, что произошло на дворе в его отсутствие. Не сразу далась коза Снежка в зубы волку. Как только завидела его, бросилась к дому, выбила палочку, которая подпирала дверь, дверь открылась, и коза заскочила в сени. Но волк и в сени за ней полез! Запрыгнула коза на лавку, упала лавка, полетели на пол вёдра с водой, но и тогда Ушкан от неё не отстал, тут же и схватил Снежку. Очень осерчал лесник на волка: «Ну, погоди, серый разбойник, я тебя проучу».

На другой день взял Ермолай острый топор на длинной ручке – лесной, положил в торбочку краюшку хлеба, чтобы было чем в дороге перекусить, и пошёл в Жукопской лес, выслеживать волчье логово. Сначала быстро продвигался – на веточках, то тут, то там остались белые волоски шерсти от козы, которую тащил волк. По ним лесник и ориентировался. Потом следы шерсти

(продолжение на стр. 13).

(начало на стр. 9-12).

пропали и пришлось двигаться наугад. По всем знакомым тропинкам и просекам прошёл Ермолай. Где большие завалы попадались на его пути – обходил стороной, где тонкое деревце упало поперёк тропы – разрубал его топором, расчищал проход. В первый день лесник высматривал на лесных тропках волчьи следы – в какую сторону они вели. Домой вернулся поздно ночью. На второй день ушёл от дома далеко, ночевал в лесу и на третий день обнаружил, что живут волки на краю Жукопского леса, у болота Мокрый Мох – все волчьи следы шли в том направлении. Не пошёл лесник домой, остался ночевать недалеко от болота и на вторую ночь. Он знал, ночью матёрые волки уйдут на охоту. Подростшие волчата останутся одни и обязательно завоюют, если их обмануть, повыть волчьим воем самому, будто кто-то пришёл из их родителей. И не ошибся. Как только стемнело, Ермолай в первый раз тихо, а в другой раз погромче провыл волчьим голосом и затаился. Не прошло и двух минут, как от болота, там, где к нему примыкал взгорок, покрытый старым еловым лесом, раздался тягучий вой волчицы. Оказалось, что Серка осталась в логове, а на охоту ушёл только Ушкан. Вслед за волчицей завывали на разные голоса, затывкали по-собачьи молодые волки. Повезло Ермолаю, что волчица не разобралась в обмане и ответила на его подвывку - вабу. Поднялся он со своего места и пошёл домой. Все тропки лесные он знал наизусть, да ночь – не день, только к утру, на самом рассвете пришёл к своему дому.

Целый день думал Ермолай, что ему делать с волками. Жалко ему было козу Снежку, да и деревенским жителям волки причинили зло. Но и волчат, которые родились у Ушкана и Серки, тоже было жалко. Волки всегда жили в Жукопском лесу, и ничего плохого от этого не происходило. От стада лосей и кабанов брали они свою дань, доставалось и зайцам, но не убывало от этого лесных жителей. Самые сильные и быстрые звери обычно уходили от преследования волков, а нерасторопные, слабые да больные попадали им в зубы. От этого стада диких зверей, на которых охотились волки, оставались здоровыми. Но вот пришло время, когда в Жукопском лесу зверей, на которых волки охотились, стало мало. Так бывает, когда меняется в природе привычная обстановка с погодой или урожаем отдельных растительных кормов, важных для жизни зверей. Но чаще беда приходит от человека. Построят люди через лес новые дороги, поедут по ним машины. Начнут лесники рубить деревья, станут люди выезжать в лес на отдых, собирать грибы да ягоды, и охотники поедут в такой лес на охоту в первую очередь. Проехать на машине на охоту не то, что за многие километры идти осенью пешком или зимой на лыжах. Случилось так и в Жукопском лесу: проложили через него узкоколейную железную дорогу, по которой начали вывозить заготовленную древесину. А в лес зачастили охотники. Убавилось зверей в стадах кабанов и лосей. Трудно стало волкам добывать для себя пропитание, и они начали подходить к жилью человека, в надежде поживиться домашними животными. То овечку схватят, а то и собаку утащат, если она отбежит от дома к лесу. А Ушкан, озабоченный кормлением своих волчат утащил и телёнка, и козу Снежку. Значит, плохо ему пришлось в лесу, не смог добыть для своих детей пропитание. Так думал лесник Ермолай, сидя на крылечке своего дома, и не знал, что ему делать. Думал-думал и, наконец, решил, что волков из Жукопского леса нужно прогнать. Раз они осмелились напасть на домашний скот, пересилили страх перед человеком, теперь уже не отстанут. Пошёл Ермолай в деревню, собрал людей и попросил их в следующее воскресенье прийти к его дому, одевшись в походную лесную одежду, чтобы сделать загон на волков. Люди с радостью согласились, и в воскресенье, рано утром, к дому лесника пришли мужчины из деревни. Кто пришёл с увесистой палкой, кто прихватил с собой вилы, а у двоих мужиков оказались и ружья, хотя они никогда охотой не занимались. Вооружились мужики кто чем на случай, если на них набросятся волки во время загона. Так они думали. Ермолай поклонился людям с почтением, поздоровался и попросил всех оружие, которое они с собой принесли, сложить аккуратно около его сарая.

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 9-13).

Ружья занести в дом, а палки велел для себя оставить. «Никакого оружия, - сказал лесник, - для загона не нужно, а с палкой по лесу ходить удобней, можно и опереться на неё, если понадобится переходить через ручей или перелезть через упавшее дерево». Люди послушали Ермолая и сделали так, как он сказал, лесник пользовался у деревенских жителей особым уважением. Потом Ермолай обстоятельно рассказал всем собравшимся, что нужно делать. Назначил двух старшими и всем наказал выполнять их распоряжения.

- Волки – звери умные, - сказал лесник, - и если вы сделаете что-нибудь не так, как я вас прошу, мы не сможем выгнать их из нашего леса.

По самой ближней тропинке лесник завёл людей к болоту Мокрый Мох и расставил цепью – один около другого. Показал, в какую сторону делать загон, назначил время, а сам ушел вперёд, на волчью тропу-лаз, которая тянулась по кромке Жукопского леса к Красному Бору – это была главная тропа у волков. Здесь он и затаился под ивовым кустом так, чтобы ветер дул от тропы на него и волки не зачуяли запах человека, когда будут проходить мимо.

В назначенное время загонщики начали кричать и двигаться вдоль болота цепью – рядом друг с другом так, чтобы видеть соседа. Был самый полдень, и Ушкан с Серкой лежали на солнышке, у своего логова. Волчата уже подросли так, что бегали вокруг логова взапуски, тузили друг друга, захватывали за шею и не больно трепали – так они обучались своему самому главному приёму, которым пользуются волки, когда нападают на свою жертву. В играх, которые часто возникали у волчат, у них вырабатывались навыки хищнического поведения, которые должны будут пригодиться им в жизни, когда они вырастут и начнут охотиться самостоятельно. Матёрые волки любовались своими детками и радовались тому, что у них такие сильные и красивые, уже подросшие волчата. Ещё неделя-другая, и они всей семьёй пойдут по лесу от одного участка к другому для того, чтобы волчата постепенно узнавали территорию Жукопского леса, где им предстоит жить, когда они вырастут и отойдут от своих родителей. И тут над лесом повис и остался откликаться эхом далёкий крик людей. Ушкан поднялся с лёжки, повернул голову в ту сторону, откуда доносился крик и насторожился. Весь вид его, с острыми, торчком стоявшими ушами, выражал внимательное напряжение. Что там, в глухом, безлюдном месте, около болота, могло случиться? Почему там кричат люди, и откуда они там появились? Беспокойство Ушкана передалось и его подруге – Серке, и она поднялась на ноги. Крик людей медленно, но неотвратимо приближался. Такого в Жукопском лесу на памяти волков никогда не было. Эти крики не были похожи на крики людей, приходивших в лес по грибы и ягоды. Знакомое волкам «Ау! Ау!» их вовсе не беспокоило. Теперь люди кричали протяжно, громко и двигались в сторону логова. Волчата, увидев застывших в напряжённой позе родителей, присмирели, подошли к ним и тоже остались стоять, прислушиваясь к доносившимся крикам людей. Крик приближался, и Серка начала беспокойно оглядываться по сторонам, не зная, что предпринять, чтобы защитить своих детей от надвигающейся опасности. То, что вместе с людьми приходит и опасность, она понимала, и в душе её возникло чувство страха, которое всё усиливалось по мере того, как люди приближались. Но Ушкан стоял ровно и твёрдо, только чуть поворачивал голову из стороны в сторону, как бы определял более точно направление, в котором двигались кричавшие люди. Разноголосый крик - и басовитый, и звонкий, молодой - возникал не из одного места и плыл над лесом, звучал всё явственней, всё громче. Ушкан понял, что люди идут рядом друг с другом, цепью, и никак не обойдут их логово стороной. Но надежда на то, что это какая-то нелепая случайность, что крики вскорости прекратятся и люди уйдут из леса, теплилась в душе матёрого вожака. И он ждал, ждал перемен, оставаясь на месте. Ему очень хотелось, чтобы жизнь его семьи, так хорошо сложившаяся, продолжилась по-старому.

А люди подходили всё ближе, всё также громко и решительно кричали, стучали палками по стволам деревьев, и Ушкан не выдержал.

(продолжение на стр. 15).

Беспокойно, сердито поворчал и пошел, медленно переставляя лапы, от логова по своей тропе – вдоль кромки Жукопского леса, прочь от болота Мокрый Мох. За ним, след в след пристроилась Серка, а за ней, цепочкой, друг за дружкой затрусили присмирившие, напуганные неизвестностью и напряжённым поведением родителей волчата. Всё дальше от логова уводил семью Ушкан по своей тропе. Всё ближе подходил выводок к тому месту, где притаился в засаде лесник Ермолай. Почти беззвучно

шли волки по тропе, но время от времени кто-нибудь из них задевал за кустик, наступал невзначай на сухую веточку. Опытный лесной житель и искусный охотник Ермолай слышал волков, когда они находились уже рядом, но ещё не показались из леса. Навёл на тропу своё верное ружьё и стал ждать. И тут из леса вышел Ушкан! Следом за ним шла Серка! Лесник ждал, когда из леса выйдут все волки. Неожиданно Ушкан остановился, повернул голову и остро посмотрел в сторону лесника. Ермолаю показалось, что волк смотрит прямо ему в глаза. Остановилась и Серка, повернулась к волчатам и тихонько, жалобно закулила, как будто почувствовала беду, подобравшуюся к её деткам. Защемило у лесника сердце от жалости к лесным хищникам – не их вина, что пришли они к людям за своей добычей. Поднял он ружьё вверх стволами, закричал громовым голосом и выстрелил сразу из двух стволов! Бросился Ушкан вперёд, от страха так быстро, что Серка со своими волчатами осталась далеко позади. В страхе бежал он из Жукопского леса до самого его края. Только там остановился и долго ждал свою семью. Волчица Серка так испугалась, что сначала бросилась в сторону от тропы, по которой убежал Ушкан. Но потом оправилась, вернулась и по запаху, который оставил Ушкан, прибежала к ожидавшему её матёрому.

Когда загонщики пришли на то место, где находился лесник, то очень удивились, узнав, что Ермолай не подстрелил волка. Ермолай сказал им, что волки так быстро мимо него пробежали, что он не успел как следует прицелиться. Очень огорчились загонщики такому известию. Но лесник заверил людей в том, что волки так напугались, что в Жукопской лес теперь долго не придут. Люди поверили леснику. На том и разошлись, поблагодарив Ермолая за помощь. А Ермолай пошёл посмотреть на тропу, по которой ушли волки. И вдруг он увидел, как в траве шевельнулся серый комочек! Подошёл он к тому месту, а там, под малиновым кустиком, лежит, притаился маленький волчонок, припал к самой земле и не может подняться от охватившего его страха. Так сильно испугался, когда громом ударило ружьё, что упал на землю, отстал от своей семьи, да так и остался лежать на месте. Снял Ермолай с себя куртку, подкрался к волчонку, да и накрыл его! В куртке и принёс домой. Подержал немного дома и решил отдать волчонка в зоопарк. В лес выпускать нельзя – маленький ещё, без родителей непременно пропадёт. Позвонил в зоопарк по телефону. Приехали оттуда служители с клеточкой, забрали волчонка и увезли. Им оказался тот самый маленький и любопытный волчонок, который первым когда-то отошел от логова – проявил самостоятельность. Теперь он живёт в зоопарке, в просторном загоне и шерсть у него на боках очень красивая, серая, как у его матери, Серки. И ушки острые торчат над головой – как у его отца, Ушкана. Каждый может прийти в зоопарк и посмотреть на этого зверька, который теперь уже вырос в настоящего волка.

А волки у деревни Гора с тех пор не появлялись. Говорили, что они ушли из Жукопского леса совсем. Да только Ермолай узнал, что в верховьях реки Жукопы, у развалин старой мельницы, стоявшей там со стародавних времён, в глухом овраге поселились волки, и матёрый очень похож на Ушкана: у него такая же крупная бурая голова с большими, прямо вверх торчащими ушами. Значит не оставили эти звери старого леса, живут своей жизнью по законам и в согласии с той дикой природой, которую вобрал в себя и хранит в веках Жукопской лес.

• Байки на скамейке
Котлетки подвели

- Это ты про того Филиппа Михайловича, который был инженером в нашем совхозе? Да, с ним много разных историй случалось. Ну, продолжай.

- Про него, про него. Ну вот, значит, сидит он на лабазе на том месте, куда его определили. Лабаз-то, знаешь, что такое?

- Знаю, знаю, сиденье из жердей на дереве, специально для охоты на медведя подготовленное. Продолжай.

- Да, сидит, значит. Двигаться особо нельзя: охота серьёзная идёт, медведя в овсах взять решили. Ждёт, вдруг на него зверь выйдет. Услышал, показалось, звук какой-то, будто кнутом щёлкнули. Подождал, ничего не происходит. Спустя какое-то время двое других его товарищей-охотников выходят, начальнички покрупней Михалыча: один районного масштаба, другой – леспромхозовский. «Ничего нет, - говорят, - не пришёл мишка сегодня в овсы». Разъехались по домам ни с чем, как он думал.

А назавтра сынок Филиппа, из школы возвратившись, котлеткой батю угощает. «Где ты взял, сынок? – спрашивает Михалыч, почувствовав знакомый вкус, - Котлетка-то медвежья?» «Одноклассница угостила, - отвечает сын и называет имя дочки леспромхозовского начальничка, - папка её вчера на медведя ездил». Котлетка-то у Михалыча так в горле и застряла.

- Что это, обманули его, значит, товарищи? Филипп домой, а они назад мясо делить? Как же так, а говорят, что охотничья дружба крепкая?!

- Крепкая, да не у всех, такие люди оказались, - рассказчик, помолчав, продолжил:

- А вот ещё случай. Вдвоём он с кем-то был, с кем, забыл уже, лет много прошло. Уложили они мишку без лицензии. Дело к вечеру, темнеет. Как разделявать? И вот что придумали: усадили зверя в коляску (на мотоцикле приехали), накрыли с головой брезентом и покатали. А на въезде в город милиция возьми да останови их. Поговорили о том, о сём, знают же друг друга.

«А в коляске кто?» – вдруг спрашивают.

«Да Ванька Сидоров спит, - отвечает Михалыч, - выпил чуть, мы его с головкой и прикрыли, пусть отдыхает». Представляешь, поверили?!

- Ну, это ты мне вообще какие-то сказки рассказываешь.
- Какие сказки, всё в Андреапольском районе было, не сомневайся. Охотники народ честный, в основном. С котлетками это – случай нетипичный.

**Виктор Петров,
г. Конаково**

И О ПОГОДЕ

По Африке как-то гуляя с Трезором,
Я вышел из джунглей -
был сильный мороз.

Вдруг пёс мой залаял
Вразнос, с перебором.

Гляжу – папуас
к баобабу примёрз.

С трудом отдирая
его от корней,
Дыханьем своим
и собаки согрел.

- Ну что, папуас, - говорю,
- с потепленьем!

А он прошептал:

- Я б синоптика съел...

**Петр Бобунов,
г. Нелидово**

* * *

Пересолила тёща борщ,
Назло переборщила с солью.
Мелькает рядом серой молью,
Вредней созданья не найдёшь.

Что делать, ясно и ежу:

Я не молодожён зелёный.

В отместку анекдот солёный

Про тещ на ужин расскажу.

**Маргарита Петрова,
г. Андреаполь**